

16. Спицын А.А. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 г. на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК. СПб., 1895. С. 77 – 94.

17. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

18. Федоров-Давыдов Г.А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. 1984. №3. С. 83–92.

19. Щеглов С.А. Раскопки на Водянском городище // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 145 – 152.

History of Vodyansky settlement study

Vodyansky settlement is a monument of federal significance. It is situated near Dubovka town in Volgograd region and is one of the most interesting monuments of the Golden Horde. In archeological literature the ancient settlement is usually associated with the Golden Horde town Beldzhamen. There is traced and analysed the history of this monument study.

Key words: *Vodyansky settlement, Beldzhamen, archeological excavations, topographic plan, history, culture, medieval city, the Golden Horde.*

Н.В. БОЖКО, А.В. СТРУКОВ
(Воронеж)

ИДЕЯ СИМФОНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВЗГЛЯДАХ НИКОНА

Анализируется практика применения византийского принципа симфонии двух властей, сформулированного в своде законов императора Юстиниана. Авторы прослеживают эволюцию взглядов Никона на роль и место патриарха в системе церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: *симфония двух властей, патриарх, Никон.*

Патриарху Никону и его взаимоотношениям с царской властью посвящено немало исследований. В работах С.М. Соловьева, Н.А. Гиббенета, Н.Ф. Каптерева, М.В. Зызыкина подробно рассматривается история воз-

вышения и низложения Никона [8; 1; 4; 3]. Среди последних работ выделяются монографии Б.А. Успенского, С.В. Лобачева [9; 5]. Однако, начиная с С.М. Соловьева, большинство исследователей смотрели на Никона как на неудавшегося московского папу, одержимого идеей первенства в государстве. Исключением стала работа М. В. Зызыкина, в которой он категорически отрицал обвинения Никона во властолюбии и царепапизме. Но, упрекая историков в одностороннем использовании источников, преподносящих деятельность Никона в негативном плане, Зызыкин сам не замечал как создавал идеализированный образ патриарха. Вместе с тем изучение реформаторской деятельности Никона в сфере церковно-государственных отношений позволяет сделать предположение о том, что преобладающей на протяжении всего патриаршества Никона была не столько идея разделения светской и духовной власти, сколько их внутренней глубокой соотнесенности и необходимости тесного сотрудничества. Никон желал на практике добиться той самой симфонии церковно-государственной власти, которой пронизано все православное учение.

Принцип симфонии двух властей, официально положенный в основу государственно-церковных отношений в России, был сформулирован в знаменитом законодательстве византийского императора Юстиниана. Согласно VI Новелле кодекса Юстиниана, Церковь и государство – два божественных дара, отношения между которыми должны строиться по принципу симфонии – союза властей, в котором светская власть всемерно печется о сохранении церковных догматов, а церковная силой своего авторитета освящает действия государственной власти. Позднее в Эпанагогах, окончательно оформивших православное учение о взаимоотношениях церковной и светской властей, единство Церкви и государства уподоблялось единству человека, состоящего из души и тела [10]. Однако та же VI Новелла, провозглашая единый источник – Божественную волю – происхождения Церкви и государства, одновременно закрепляла за ними различные сферы человеческой деятельности. Церковь владеет делами божественными, духовными, а государство – земными, материальными. Помогая и взаимодействуя друг с другом, они должны были оставаться самостоятельными, избегать смешения и взаимопоглощения.

Русь, принимая христианство из Византии, позаимствовала у неё и принципы взаимоотношений Церкви и государства. Новеллы Юстиниана вошли в сборники византийского канонического права – Номоканоны, которые в русской переработке получили название Кормчих книг.

Однако уже в Византии симфония не существовала в абсолютно чистой форме. На практике она подвергалась нарушениям и искажениям. Церковь неоднократно оказывалась объектом царепапистских притязаний со стороны государственной власти. Суть их заключалась в том, что глава государства, император, претендовал на решающее слово в устройении церковных дел. Помимо человеческого властолюбия у таких посягательств имелись и другие причины. Исторически это было связано с тем, что восточное христианство не имело единого формального центра и допускало организационную независимость местных церквей со своими автокефальными патриархами. Единство Церкви достигалось Вселенскими Соборами, призванными вырабатывать единую точку зрения по принципиальным вопросам веры. Между тем сохранение такого единства изначально было проблематичным и должно было дублироваться внецерковным организационным единством. В роли такого организационного начала и выступила светская императорская власть, взявшая на себя организацию Вселенских Соборов. В то же время не следует забывать, что христианские императоры Византии были прямыми преемниками языческих римских принцевов, которые среди многих своих титулов имели и такой – *pontifex maximus* – верховный первосвященник, а сама Византия находилась в регионе, тысячелетиями включенном в древневосточный цивилизационный процесс: народы, формировавшие ее культуру, были наследниками древних азиатских цивилизаций с традиционной сильной идеей сакральной власти абсолютного монарха. Более того, православие само способствовало укреплению самодержавного государства, освящая его полномочия. Светские владыки, начиная с Константина, накрепко усвоили, что царская власть – от Бога. Власть и сама особа императора обожествлялись. Таким образом, православная традиция не знала жесткого противопоставления светской и церковной власти, что в немалой степени открывало простор для действий императорской власти внутри церкви.

Выбирая веру, киевский князь Владимир, безусловно, учитывал специфику церковно-

государственных взаимоотношений в православии. На Руси, как и в Византии, государственная власть не отделялась явно от церковной. Уже сам факт активного участия киевского князя в деле принятия и распространения новой веры ставил Церковь в определенную зависимость от государства. Однако применительно к России следует отказаться от механического перенесения на отечественную почву характеристик византийских взаимоотношений между церковной и светской властью. У русских государей, в отличие от византийских императоров, было иное наследие. Поэтому взаимоотношения церковной и государственной власти в русской древности были более гармоничными. Киевские князья признавали авторитет церковных иерархов не только в вопросах веры, но и государственных делах. На греческих священников смотрели как на представителей более высокой культуры, через них русские открывали для себя новые представления о государстве, законе, власти правителя и т. д. С самого начала священнослужители на Руси осуществляли не только свои прямые функции, но и принимали активное участие в политической жизни, выполняя миротворческие, представительские, посреднические обязанности при светских правителях. Но не только учительский авторитет греков определял особое положение русской Церкви. Формально киевская митрополия являлась одной из шестидесяти митрополий константинопольского патриарха. Главой ее был патриарх Константинополя со своим советом и штатом. Таким образом, русская Церковь изначально находилась в двойственном положении: зависящая от князя, она одновременно формально подчинялась греческой Церкви, номинальной главой которой являлся византийский император. Его имя упоминалось во время богослужения в русских храмах.

Таким образом, древнерусский князь не обладал всей полнотой власти над Церковью. Номинальная зависимость от византийских императоров в известной мере ограждала церковь от неправомерного вмешательства в её внутренние дела со стороны великокняжеской власти. Более того, она сама могла влиять на политику князей, требуя подчинения христианским нравственным нормам не только в личной, но и политической жизни. Одним из ярких проявлений этого стало право печалования за гонимых княжеской властью, к которому нередко прибегали русские митрополиты.

И тем не менее русская Церковь была обречена на союз с государственной властью, т.к. с момента своего существования киевская митрополия представляла собой национальную и государственную церковную организацию. Ее границы совпадали с границами Древнерусского государства, она охватывала территорию, населенную этносом, имевшим отличные от греков язык и письменность. Наиболее ярко союз Церкви со светской властью проявился в период собирания русских земель под главенством Москвы. После переноса митрополии в Москву и превращения ее в общерусский церковный центр митрополиты стали ближайшими помощниками московских князей. Они ездили в Орду хлопотать перед ханом за своих князей, добывали им ярлыки, улаживали щекотливые вопросы. Не остались в долгу и князья. Именно в этот период Церковь превратилась в крупнейшего земельного собственника, наделенного многочисленными иммунитетными привилегиями – судебными, финансовыми и таможенными.

Однако союз с Церковью существовал лишь до тех пор, пока он был необходим московским государям в их борьбе за установление единой державы. Как только данная задача была выполнена, этот союз дал глубокую трещину, тем более что превращение Москвы в общенациональный центр и свержение монголо-татарского ига почти совпали по времени с покорением Константинополя турками (1453). Еще раньше авторитет греков в вопросах веры пошатнулся после известного Ферраро-Флорентийского Собора (1439). В Москве не признали решений собора, а участник собора, новый митрополит Исидор был взят под стражу. Последовавшее за тем провозглашение автокефалии русской Церкви объективно только усилило ее зависимость от верховной власти. При этом мера и характер государственного участия в церковном управлении не были определены, не имели строго очерченных границ и во многом зависели от произвола государей. Не внесли существенных перемен в государственно-церковные отношения ни учреждение патриаршества в 1589 г., ни усиление роли патриарха при утверждении на престоле новой царской династии Романовых, когда патриарх Филарет, будучи отцом молодого и неопытного царя Михаила, приобрел такую же власть, как и сам царь, и даже именовался «Великим государем».

Вместе с тем стремление царской власти полностью подчинить себе русскую Цер-

ковь наталкивалось на упорное сопротивление церковных иерархов. Идеологически обосновывая и активно поддерживая внутреннюю и внешнюю политику московских царей, руководители Церкви в то же время пытались отстаивать государственно-политическую обособленность церковной организации, оградить свои земельные богатства и иммунитетные привилегии от посягательств со стороны государственной власти. Ко времени патриаршества Никона эта борьба, протекавшая то в скрытой, то в явной форме, вступила в завершающую стадию.

Открыто свои взгляды на взаимоотношения светской и духовной власти Никон впервые изложил, выступая на Соборе 1654 г., а затем в предисловии к Служебнику 1655 г., где власть царская и патриаршья представлены как «благочестивая и богомудрая двоица», «богоизбранная сугубица» [7]. Но традиционное уже обращение к принципу симфонии двух властей в устах Никона приобретало особый смысл. Он стал первым православным иерархом, кто попытался развить эту идею и превратить в руководящий принцип взаимоотношений церкви и государства. Опираясь на общие положения симфонии двух властей, Никон отрицал право государя вмешиваться в дела Церкви, считая, что созыв поместных соборов, избрание и поставление священнослужителей, суд над ними, управление церковным имуществом относятся исключительно к компетенции патриарха. Он сам не раз признавался, что не единожды просил Алексея Михайловича изменить статьи Соборного Уложения 1649 г., ограничивавшие полномочия Церкви. Его особо возмущал тот факт, что во вновь учрежденном Монастырском приказе нет ни одного духовного лица. «И в том приказе судят мирския люди, а от духовнаго чина никого нет» [6, с. 133].

Однако, выступая за самостоятельность Церкви, Никон вряд ли признавал такую автономию за государством и его правителями. Для него государство представляло собой менее высокий порядок, чем Церковь, т.к. богоустановленность государственной власти явила себя в историческом процессе опосредованно. Появление государства стало реакцией на последствия грехопадения, когда в мире утвердились грехи и пороки, нуждавшиеся в общественном противодействии, поэтому у государства и церкви, согласно христианским воззрениям, общая цель: спасение людей, что является основой согласия – симфонии меж-

ду Церковью и государством, но сущность и инструменты воздействия разнятся. Недаром Церковь, с одной стороны, всегда предписывала своим чадам повиноваться государственной власти, с другой – указывала на ее земной характер, временную и преходящую ценность. Таких взглядов на государство придерживался и Никон. «Сего ради слышите, царие и князи, и разумеите, яко от Бога дана бысть держава вам и сила от Вышняго. И сего ради подобает... не токмо о своих пещися и свое житие точно правити, но и все обладаемое от треволения спасти и соблюдати стадо Его от волков невреждимо, и бояться серпа небеснаго, и не давати воли злотворящим человеком, иже душу с телом погубляющим...» [6, с. 305].

Вместе с тем желание Никона добиться для русской Церкви автономии во внутрицерковных делах шло вразрез не только с централизаторской политикой государства, но и его собственными представлениями о священной миссии России стать воплощением «царства Божьего» на земле. Будучи сторонником программы оцерковления государства, он считал нравственно-религиозной обязанностью для государственной власти иметь перед собой руководящим идеалом Церковь. Соответственно, он ощущал царское служение не только как государственное служение, но как вид церковного служения. На практике это означало, что царь как правитель государства должен руководствоваться церковными принципами не только в личной жизни, но и в государственном законодательстве и управлении. Однако в таком важном деле царь, по мнению Никона, нуждался в руководстве и поддержке духовного лица, каким по статусу мог быть только патриарх.

Таким образом, идея оцерковления государства превращала патриарха в глазах Никона в главное действующее лицо в системе властных отношений. Именно этим объясняется та легкость, с которой Никон перейдет от византийской идеи равенства и взаимответственности властей к идее превосходства «священства» над «царством». Однако впервые эта идея прозвучала в никоновском «Возражении», труде, написанном в преддверии суда над Никоном, который должен был не только решить его личную судьбу, но и создать небывалый в истории русской Церкви прецедент. Именно в «Возражении», пересказывая положения симфонии между Церковью и государством, Никон сделал вывод о преимуществе «священства» над «царством». «Царь здешним

вверен есть, а аз небесным. Царь телесам вверяем есть, иерей же душам. Царь долги имением оставляет, священник же долги согрешением. Он принуждает, а сей утешает. Он нуажею, сей же советом. Он оружия чювственна имать, а сей духовная. Он брань имать к сопостатом, сей же к началом и к миродержателем тмы века сего. И сего ради священство царства преболе есть» [6, с. 261]. Здесь же он прибег к известному сравнению «священства» с солнцем, а «царства» – с месяцем [6, с. 307].

Таким образом, идея симфонии двух властей, как её сформулировал и понимал патриарх, открывала перед Церковью большие возможности влиять на государственные дела, ибо патриарх оказывался постоянным спутником и участником деятельности светских властителей. При этом пределы влияния патриарха на царя становились прозрачными. Царь и как глава государства, и как член Церкви – человек смертный, из плоти и крови – всегда оставался в глазах Никона только послушником церкви.

Литература

1. Гиббенет Н.А. Историческое исследование дела патриарха Никона. Спб., 1882–1884. Ч. 1 – 2.
2. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). М. : Наука, 1987. 246 с.
3. Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи : в 3 ч. М. : Ладомир, 1995.
4. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909–1912. Т. 1–2.
5. Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб. : Искусство, 2003. 414 с.
6. Никон (Патриарх). Труды / сост. и общ. ред. В. В. Шмидта. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. 1264 с.
7. Служебник. М., 1655.
8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V–VI. М. : Мысль, 1990.
9. Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М. : Шк. «Языки русской культуры», 1998. 676 с.
10. Эпанагога. Гл. VIII. Титул 3.

Idea of state and ecclesiastical relations symphony in Nikon's view

There is analysed the experience of Byzantine principle use of two powers symphony formulated in the codex Iustinianus. There is traced the evolution of Nikon's views at the role and place of patriarch in the system of state and ecclesiastical relations.

Key words: *two powers symphony, patriarch, Nikon.*